

Русские народные сказки. А. Н. Афанасьев. Рассказы о мертвецах

В одном селе была девка – лежа́ка, лентяйка, не любила работать, абы как погудорить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежа́ки собирают на попрядухи, а лакомогозки^[1] ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежа́ка говорит:

– Я ничего не боюсь!

– Ну, ежели не боишься, – говорят попрядухи, – дак поди мимо погосту^[2] к церкви, сними с дверей образ да принеси.

– Хорошо, принесу; только каждая напреди мне по початку^[3].

А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за неё делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят – точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Лежа́ка

говорит:

– Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!

□Пошла, поставила образ на место. Только идёт назад мимо погосту и видит: мертвец в белом саване сидит на могиле. Ночь-то месячная, всё видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит – знать, время не пришло ещё ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой.

– Ну, – говорит, – образ отнесла, поставила на место, да вот ещё с мертвеца саван стащила!

Девки – которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит:

– Отдай мой саван! Отдай мой саван!

Девки перепугались – ни живы ни мёртвы; а лежка берёт саван, идёт к окну, отворила:

– На, – говорит, – возьми!

– Нет, – отвечает мертвец, – неси туда, где взяла!

Только вдруг петухи запели – и мертвец исчез.

□На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно:

– Отдай мой саван!

Вот отец и мать лежки отворяют окно, отдают ему саван.

– Нет, – говорит, – пуцай она отнесёт туда, где взяла!

Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели – исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему так и так и просят пособить их

горю:

– Нельзя ли, – говорят, – обедню отслужить?

Священник подумал:

– Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить.

Назавтра пошла лежа́ка к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил её, да о́земь. Девки не стало, только одна коса от неё осталась.

[1] – Лакомогузки – сладёны, любители лакомств (Ред.).

[2] – Кладбища.

[3] – Початок – Мера прядева.

Ехал ночью мужик с горшками; ехал-ехал, лошадь у него устала и остановилась как раз против кладбища. Мужик выпряг лошадь, пустил на траву, а сам прилёг на одной могиле; только что-то не спится ему. Лежал-лежал, вдруг начала под ним могила растворяться; он почувял это и вскочил на ноги. Вот могила растворилась, и оттуда вышел мертвец с гробовой крышкой, в белом саване; вышел и побежал к церкви, положил в дверях крышку, а сам в село. Мужик был человек смелый; взял гробовую крышку и стал возле своей телеги, дожидается – что будет?

□ Немного погодя пришёл мертвец, хватать – а крышки-то нету; стал по следу добираться, добрался до мужика и говорит:

– Отдай мою крышку, не то в клочья разорву!

– А топор-то на что? – отвечает мужик. – Я сам тебя искрошу на мелкие части!

– Отдай, добрый человек! – просит его мертвец.

– Тогда отдам, когда скажешь: где был и что делал?

– А был я в селе; уморил там двух молодых парней.

– Ну, скажи теперь: как их оживить можно?

Мертвец поневоле рассказывает:

– Отрежь от моего савана левую полу и возьми с собой; как придёшь в тот дом, где парни уморены, насыпь в горшочек горячих угольев и положи туда клочок от савана, да дверь затвори; от того дыму они сейчас отживут.

Мужик отрезал левую полу от савана и отдал гробовую крышку. Мертвец подошёл к могиле – могила растворилась; стал в неё опускаться – вдруг петухи закричали, и он не успел закрыться как надо: один конец крышки снаружи остался.

□ Мужик всё это видел, всё приметил. Стало рассветать; он запряг лошадь и поехал в село. Слышит в одном доме плач, крики; входит туда – лежат два парня мёртвые.

– Не плачьте! Я смогу их оживить.

– Оживи, родимый; половину нашего добра тебе отдадим, – говорят родичи.

Мужик сделал всё так, как научил его мертвец, и парни ожили. Родные обрадовались, а мужика тотчас схватили, скрутили верёвками:

– Нет, дока! Мы тебя начальству представим; коли оживить сумел, стало быть ты и уморил-то!

– Что вы, православные! Бога побойтесь! – завопил мужик и рассказал всё, что с ним ночью было.

Вот дали знать по селу, собрался народ и повалил на кладбище, отыскивали могилу, из которой мертвец выходил, разрыли и вбили ему прямо в сердце осиновый кол, чтоб больше не вставал да людей не морил; а мужика знатно наградили и с честью домой отпустили.

Случилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться домой из чужой деревни, с весёлой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель – лет с десятков тому, как помер.

– Здоров!

– Здравстуй! – говорит гуляка, и позабыл, что знакомый его давным-давно приказал долго жить.

– Зайдём ко мне; хватим ещё по чарке, по другой.

– Пойдём; на радостях, что свиделись, можно выпить!

Пришли в избу, пьют-гуляют.

– Ну прощай! Пора домой идти!

– Постой, куда теперь идти! Переночуй со мной.

– Нет, брат, и не проси – нельзя; завтра дело есть, так надо пораньше быть дома.

– Ну, прощай! Да что тебе пешком идти? Лучше садись на мою лошадь, живо доведёт.

– Спасибо, давай!

Сел верхом и понёлся – что твой вихрь летит! Вдруг петух запел!.. Страшно: кругом могилы, а под ездоком надгробный камень!

Отпустили одного солдата в побывку на родину; вот он шёл, шёл, долго ли, коротко ли, и стал к своему селу приближаться. Недалеко от села жил мельник на мельнице; в былое время солдат водил с ним большое знакомство; отчего не зайти к приятелю? Зашёл; мельник встретил его ласково, сейчас винца принёс, стали распивать да про своё житьё-бытьё толковать. Дело было к вечеру, а как погостил солдат у мельника – так и вовсе смерклось. Собирается солдат идти на село; а хозяин говорит:

– Служивый, ночуй у меня; теперь уж поздно, да, пожалуй, и беды не уйдёшь!

– Что так?

– Бог наказал! Помер у нас страшный колдун; по ночам встаёт из могилы, бродит по селу и то творит, что на самых смелых страх нагнал! Как бы он и тебя не потревожил!

– Ничего! Солдат – казённый человек, а казённое ни в воде не тонет, ни в огне не горит; пойду, больно хочется с родными поскорей увидаться.

□Отправился; дорога шла мимо кладбища. Видит – на одной могиле огонёк светит. «Что такое? Дай посмотрю». Подходит, а возле огня колдун сидит да сапоги тачает.

– Здорово, брат! – крикнул ему служивый.

Колдун взглянул и спрашивает:

– Ты сюда зачем?

– Да захотелось посмотреть, что ты делаешь.

Колдун бросил свою работу и зовёт солдата на свадьбу:

– Пойдём, брат, погуляем – в селе нонче свадьба!

– Пойдём!

Пришли на свадьбу, начали их поить, угощать всячески. Колдун пил-пил, гулял-гулял и осердился; прогнал из избы всех гостей и семейных, усыпил повенчанных, вынул два пузырька и шильце, ранил шильцем руки жениха и невесты и набрал их крови. Сделал это и говорит солдату:

– Теперь пойдём отсюда.

Вот и пошли. На дороге солдат спрашивает:

– Скажи, для чего набрал ты в пузырьки крови?

– Для того, чтоб жених с невестой померли; завтра никто их не добудится! Только один я знаю, как их оживить.

– А как?

– Надо разрезать у жениха и невесты пяты и в те раны влить опять кровь – каждому свою: в правом кармане спрятана у меня кровь жениха, а в левом невестина.

□Солдат выслушал, слова не проронил; а колдун всё хвалится:

– Я, – говорит, – что захочу, то и сделаю!

– Будто с тобой и сладить нельзя?

– Как нельзя? Вот если б кто набрал костёр осиновых дров во сто возов да сжёг меня на этом костре, так, может, и сладил бы со мною! Только жечь меня надо умеючи; в то время ползут из моей утробы змеи, черви и разные гады, полетят галки, сороки и вороны; их надо ловить да в костёр бросать: если хоть один червяк уйдёт, тогда ничто не поможет! В том червяке я ускользну!

Солдат выслушал и запомнил. Говорили, говорили, и дошли, наконец, до могилы.

– Ну, брат, – сказал колдун, – теперь я тебя разорву; а то ты всё расскажешь.

– Что ты, образумься! Как меня рвать? Я богу и государю служу.

Колдун заскрипел зубами, завыл и бросился на солдата, а тот выхватил саблю и стал наотмашь бить. Дрались-дрались, солдат почти из сил выбился; эх, думает, ни за грош пропал! Вдруг запели петухи – колдун упал бездыханен. Солдат вынул из его карманов пузырьки с кровью и пошёл к своим родичам.

□Приходит, поздоровался; родные спрашивают:

– Не видал ли ты, служивый, какой тревоги?

– Нет, не видал.

– То-то! А у нас на селе горе: колдун ходить повадился.

Поговорили и легли спать; наутро проснулся солдат и начал спрашивать:

– Говорят, у вас свадьба где-то справляется?

Родные в ответ:

– Была свадьба у одного богатого мужика, только и жених и невеста нынешней ночью померли, а отчего – неизвестно.

– А где живёт этот мужик?

Указали ему дом; он, не говоря ни слова, пошёл туда; приходит и застаёт всё семейство в слезах.

– О чём горюете?

– Так и так, служивый!

– Я могу оживить ваших молодых; что дадите?

– Да хоть половину имения бери!

Солдат сделал так, как научил его колдун, и оживил молодых; вместо плача начались радость, веселье; солдата и угостили и наградили. Он налево кругом и марш к старосте; наказал ему собрать крестьян и приготовить сто возов осиновых дров.

□ Вот привезли дрова на кладбище, свалили в кучу, вытащили колдуна из могилы, положили на костёр и зажгли; а кругом народ обступил – все с мётлами, лопатами, кочергами. Костёр облился пламенем, начал и колдун гореть; утроба его лопнула, и полезли оттуда змеи, черви и разные гады, и полетели оттуда вороны, сороки и галки; мужики бьют их да в огонь бросают, ни одному червяку не дали ускользнуть. Так колдун и сгорел! Солдат тотчас собрал его пепел и развеял по ветру. С того времени стала на селе тишина; крестьяне отблагодарили солдата всем миром; он побыл на родине, нагулялся досыта и воротился на царскую службу с денежками. Отслужил свой срок, вышел в отставку и стал жить-поживать, добра наживать, худа избывать.

Жил-был солдат; вышел в отставку и пошёл домой. Приходит в свою деревню – вся пуста, не видать нигде народу. Что такое значит? Зашёл в свою прежнюю избу, снял ранец, разделся; стал на лавку садиться, глянул, а на столе стоит штоф вина, и всяких закусок вволю наготовлено. «Ну, – думает, – хоть голоден не буду: есть что закусить и выпить». Вдруг лезет в избу его старый дед, который лет с десять как помер; был он сильный колдун, весь народ из деревни повыгнал, а такого хитреца, чтобы с ним сладил, ещё не бывало! Увидал он гостя и закричал:

– Ба! Здравствуй, внучек!

– Здорово, дедушка!

– Давно я тебя не видал!

– И то давно!

Сел колдун и давай закуски уписывать да вином запивать; всё один приел.

– Где ж мои братья? – спрашивает солдат.

– В иной деревне живут; я отсюда всех выгнал. Только и ходят сюда что днём; придут, поставят мне ужин да штоф вина, и назад!

□Позакусил колдун, повыпил, и говорит:

– Поедем-ка в соседнее село; там нынче свадьба у богатого мужика. Как приедем, я в избу пойду, а ты стой на улице и что стану тебе в окно подавать – всё прймай да в повозку клади.

– Ладно, дедушка!

Вышли на двор, у крыльца стоит тройка вороных – так и рвут, копытами землю руют! Сели в повозку и мигом в село прискакали. Колдун вошёл в избу, а солдат остался на улице, смотрит: что будет? Дед взял со стола скатерть и всё, что на столе было наложено-наставлено, завернул в узел и подаёт в окно; солдат принял и положил в повозку. Потом подошёл колдун к жениху, засучил свой рукав и засунул ему руку в рот по самое плечо – жених тотчас помер; сделал то же и с невестой – и та померла. Тут все заголосили, заплакали; отчего беда приключилась? Никто не ведает: колдун и вошёл и ушёл никому невидим.

□Сел он с солдатом в повозку и поскакал назад. Кони быстро несут!

– Что, дедушка, – спрашивает солдат, – долго ты будешь по белу свету ходить?

– Долго, внучек, пока сам захочу.

– Неужто на тебя и силы нет?

– Сила-то есть, да никто про неё не ведаёт.

– Скажи мне, дедушка!

– Нет, внучек! Много знать хочешь.

– Пожалуйста, скажи!

– Ну, так и быть: вот в этаким-то месте стоит сухая груша; коли соберутся семеро да выдернут её с корнем – под ней провал окажется; после надо вырыть мой гроб да бросить в тот провал и посадить опять грушу; ну, внучек, тогда полно мне ходить!

– А нельзя ли вылечить нынешних молодых, чтоб они ожили?

– Эх, внучек! Много будешь знать, скоро состареешься.

– Однако скажи!

– Ну, так и быть! У богатого мужика отелилась сегодня корова и принесла красного бычка; коли того бычка зарезать, да вынуть сердце, да из того сердца взять крови, да тою кровью помазать молодых – они в ту ж минуту оживут и будут здоровы и невредимы.

□Кони подлетели к крыльцу и стали как вкопанные; колдун взял узел и понёс в избу. Развязал и начал жрать всё, что попало: сперва ел кушанья, а там принялся глотать ложки, ножи, бутылки и самую скатерть. Живо всё обработал и кричит во всю глотку:

– Есть хочу! Голоден!.. Ну, внучек, теперь за тебя примусь!

– Что ты, дедушка, какая солдат еда! Только одни кости.

– Ничего, годишься!

– Дай хоть в последний раз на белый свет взглянуть!

– Ну, взгляни, только поскорее!

Вышел солдат на двор, нашёл осиновое полено, взял и стоит; а дед кричит:

– Что ж ты копаешься? Иди, мне некогда ждать.

– Нет, дедушка, я в избу не пойду; если хочешь, ешь меня на дворе – нечего избы марать!

□Колдун рассердился, бежит к нему на двор; только хотел было схватить, а солдат не дал маху – как урежет его наотмашь осиновым поленом! Колдун и с ног долой!

– Ну, внучек, ударь ещё раз.

– Будет с тебя и этого!

Тут запел петух – старик окостенел и замолчал; а солдат схватил ранец и пошёл в соседнюю деревню, где его братья жили. На другой день он созвал весь мир, выбрал шесть человек, сам седьмой пошёл; взяли колдуна и бросили в провал – там, где сухая груша стояла. После того солдат вылечил молодых, взял за то большую награду и зажил себе богато и счастливо.

Отпросился солдат в отпуск – родину навестить, родителей повидать, и пошёл в дорогу. День шёл, другой шёл, на третий забрёл в дремучий лес. Где тут ночевать? Увидал – на опушке две избы стоят, зашёл в крайнюю и застал дома одну старуху.

– Здравствуй, бабушка!

– Здравствуй, служивенькой!

– Пусти меня ночь переспать.

– Ступай, только тебе здесь беспокойно будет.

– Что? Али тесно у вас? Это, бабушка, ничего; солдату немного места надо: где-нибудь в уголок прилягу, только бы не на дворе!

– Не то, служивенькой! На грех пришел ты...

– На какой грех?

– А вот на какой: в соседней избе помер недавно старик – большой колдун; и таперича каждую ночь рыщет он по чужим домам да людей ест.

– Э, бабушка, бог не выдаст, свинья не съест.

□Солдат разделся, поужинал и полез на полати; лёг отдыхать, а возле себя тесак положил. Ровно в двенадцать часов попадали все запоры и растворились все двери; входит в избу покойник в белом саване и бросился на старуху.

– Ты, проклятый, зачем сюда? – закричал на него солдат.

Колдун оставил старуху, вскочил на полати и давай с солдатом возиться. Тот его тесаком, рубил-рубил, все пальцы на руках поотбивал, а всё не может поправиться. Крепко они сцепились, и оба с полатей на пол грохнулись: колдун под низ, а солдат наверх попал; схватил солдат его за бороду и до тех пор угощал тесаком, пока петухи не запели. В ту самую минуту колдун омертвел: лежит, не тронется, словно деревянная колода.

□Солдат вытащил его на двор и бросил в колодезь – головой вниз, ногами кверху. Глядь: на ногах у колдуна славные новые сапоги, гвоздями убиты, дёгтем смазаны! «Эх, жаль, так задаром пропадут, – думает солдат, – дай-ка я сниму их!» Снял с мёртвого сапоги и воротился в избу.

– Ах, батюшка служивенькой, – говорит старуха, – зачем ты с него сапоги-то снял?

– Дак неужли ж на нём оставить? Ты смотри: какие сапоги-то! Кому не надо – рубль серебра даст; а я ведь человек походный, мне они очень пригодятся!

□На другой день простился солдат с хозяйкою и пошёл дальше; только с того самого дня – куда он ни зайдёт на ночлег, ровно

в двенадцать часов ночи является под окно колдун и требует своих сапог. «Я, – грозит, – от тебя нигде не отстану: всю дорогу с тобой пройду, на родине не дам отдыху, на службе замучу!» Не выдержал солдат:

– Да что тебе, проклятый, надобно?

– Подай мои сапоги!

Солдат бросил в окно сапоги:

– На, отвяжись от меня, нечистая сила!

Колдун подхватил свои сапоги, свистнул и с глаз пропал.

Пошёл мужик на охоту и любимую собаку с собой взял. Ходил-ходил по лесам, по болотам, ничего не выходил; пристигла его тёмная ночь, в неуказные часы идёт мимо кладбища и видит: стоит на распутии мертвец в белом саване. Оробел мужик: куда идти – вперёд, или назад повернуть? «Эх, что ни будет, пойду вперёд!» Идёт, а собака за ним следом бежит. Заприметил его мертвец и понёсся навстречу – до земли ногами на пол-аршина не хватает, только саван раздувается. Поравнялся с охотником, бросился на него, а собака ухватила того мертвеца за голые икры и начала с ним бороться. Видит мужик, что собака с мертвецом схватилась; обрадовался, что его дело право, и побежал во всю прыть домой!

□ Собака до тех пор дралась, пока петухи запели и мертвец недвижим упал; после того пустилась за хозяином, нагнала у самого дома и бросилась рвать-кусать его; так обозлилась, так пристала, что еле домашние отбили.

– Что такое с собакой подеялось? – спрашивает мать-старуха. – Отчего так возненавидела хозяина?

Мужик рассказал всё, что было.

– Нехорошо, сынок, – говорит старуха, – собака за то осерчала, что ты не дал ей помочи; она с покойником дралась, а ты её одноё покинул да себя спасал! Теперь она долго будет на тебя зло мыслить.

Наутро вся семья по двору ходит – собака ничего, а только хозяин покажется – так и зарычит. Приковали её на цепь; целый год на цепи продержали, а всё она не забыла хозяйской обиды; сорвалась как-то и прямо на охотника, давай душить его... Тут её и убили.

В стародавние годы жили-были в одной деревне два молодых парня; жили они дружно, вместе по беседам ходили, друг друга за родного брата почитали. Сделали они между собой такой уговор: кто из них станет вперёд жениться, тому звать своего товарища на свадьбу; жив ли он будет, помрёт ли – всё равно. Через год после того заболел один молодец и помер; а спустя несколько месяцев задумал его товарищ жениться. Собрался со всем сродством своим и поехал за невестою. Случилось им ехать мимо кладбища; вспомнил жених своего приятеля, вспомнил старый уговор и велел остановить лошадей.

– Я, – говорит, – пойду к своему товарищу на могилу, попрошу его к себе на свадьбу погулять; он был мне верный друг!

□Пошёл на могилу и стал звать:

– Любезный товарищ! Прошу тебя на свадьбу ко мне.

Вдруг могила растворилась, покойник встал и вымолвил:

– Спасибо тебе, брат, что исполнил своё обещание! На радостях взойди ко мне; выпьем с тобой по стакану сладкого вина.

– Зашёл бы, да поезд стоит, народ дожидается.

Покойник отвечает:

– Эх, брат, стакан ведь недолго выпить.

Жених спустился в могилу; покойник налил ему чашу вина, он выпил – и прошло целое сто лет. «Пей, милый, ещё чашу!» Выпил другую – прошло двести лет. «Ну, дружище, выпей и третью да ступай с богом, играй свою свадьбу!» Выпил третью чашу – прошло триста лет.

□Покойник простился с своим товарищем; гроб закрылся, могила заровнялась. Жених смотрит: где было кладбище, там стала пустошь; нет ни дороги, ни сродников, ни лошадей, везде поросла крапива да высокая трава. Побежал в деревню – и деревня уж не та; дома иные, люди все незнакомые. Пошел к священнику – и священник не тот; рассказал ему, как и что было. Священник начал по книгам справляться и нашёл, что триста лет тому назад был такой случай: в день свадьбы отправился жених на кладбище и пропал, а невеста его вышла потом замуж за другого.

Жил-был мужик да баба, у них было два сына. Пришла солдатчина, забрили старшему сыну лоб и угнали далеко-далеко; а другой брат охотой нанялся и пошёл в солдаты. «Кто нас кормить станет?» – говорит старуха, озлобилась на меньшего сына и прокляла его навеки. И случилось так, что оба брата попали в один полк; жили они согласно, хорошо.

□Вот меньшей прослужил год, другой, заболел и помер. Схоронили его, как следует. Ночью приходит мёртвый брат к живому и говорит:

– Братец, проснись!

Тот испугался.

– Не бойся! Я не даром. Помнишь, как нанялся я в охотники, в те поры меня мать прокляла, и теперь меня земля не примаёт. Так вот что, братец! Отпросись в отпуск да умоли матушку, чтоб простила меня; коли умолишь её, добром тебе заплачу: станешь жениться – вспомнешь меня!

Старший брат отпросился в отпуск и пошёл домой. Приходит в свою деревню; отец и мать радёхоньки, стали спрашивать:

– Не встречал ли где меньшого брата, не слыхал ли чего об нём?

– Ах, ведь он помер! Матушка, прости его.

Старуха заплакала и простила.

□На другой день идёт солдат рынком; вдруг кличет его купец:

– Что, служба, не хочешь ли жениться?

– Невесты нету!

– Пойдём ко мне: у меня дочь есть.

– Пойдём.

У того купца дочь два раза замуж выходила, да всё беда случалась: положат с вечера молодых спать, а наутро муж помрёт; вишь, к ней змей летал. А солдат про то ничего не ведаёт; сосватался, обвенчали их и положили спать. Ночью пришёл умерший брат и стал у изголовья с мечом в руке. Ударило двенадцать часов, прилетает страшный змей. Мертвец бросился на него и срубил ему все девять голов; наутро пришли купец с купчихою, а зять жив; поставили за него в полк рекрута, и стал он жить с своею женою, брата поминать да добра наживать.

Отпросился солдат в отпуск на родину – святым иконам помолиться, родителям поклониться. Идёт дорогою, а уж солнышко давно село, в поле темно. Надо идти мимо кладбища; вот слышит он – кто-то за ним гонится:

– Стой! – кричит. – Не уйдёшь!

Оглянулся, а то упокойник бежит, зубами скрипит; солдат пустился от него в сторону во всю свою прыть, увидал часовенку – и прямо в неё. В той часовенке нет никого, только лежит на столе другой упокойник, а перед ним свечи горят. Солдат забился в угол, сидит ни жив ни мёртв: что-то будет!

□Вдруг прибегают и лезет в часовню тот, первый упокойник, что за солдатом гнал; а тот, что на столе лежал, встаёт и говорит ему:

– Ты зачем прибёг?

– Я солдата сюды пригнал, так хочу его съесть.

– Ну, брат, он ко мне прибёг; я его и съем!

– Нет, я!

– Нет, я!

И давай драться, только пыль летит; долго бы они дрались, да петухи закричали: тут оба упокойника упали на пол замертво, и солдат спокойно ушёл домой. «Слава тебе господи, спасся от колдунов!»

В одном селе жили-были муж да жена; жили они весело, согласно, любовно: все соседи им завидовали, а добрые люди, глядячи на них, радовались. Вот хозяйка отяжелела, родила сына, да с тех

родов и померла. Бедный мужик горевал да плакал, пуще всего о ребёнке убивался: как теперь выкормить, возрастить его без родной матери? Нанял какую-то старушку за ним ходить; всё лучше. Только что за притча? Днём ребёнок не ест, завсегда кричит, ничем его не утетишь; а наступит ночь – словно и нет его, тихо и мирно спит. «Отчего так? – думает старуха. – Дай-ка я ночь не поплю, авось разведу». Вот в самую полночь слышит она: кто-то отворил потихоньку двери и подошёл к люльке; ребёнок затих, как будто грудь сосёт. На другую ночь и на третью опять то же.

□ Стала она говорить про то мужику; он собрал своих сродственников и стал совет держать. Вот и придумали: не поспать одну ночь да подсмотреть: кто это ходит да ребёнка кормит? С вечера улеглись все на полу, в головах у себя поставили зажжённую свечу и покрыли её глиняным горшком. В полночь отворилась в избу дверь, кто-то подошёл к люльке – и ребёнок затих. В это время один из сродственников вдруг открыл свечу – смотрят: покойная мать в том самом платье, в каком её схоронили, стоит на коленях, наклонясь к люльке, и кормит ребёнка мёртвой грудью. Только осветилась изба – она тотчас поднялась, печально взглянула на своего малютку и тихо ушла, не говоря никому не единого слова. Все, кто её видел, превратились в камень; а малютку нашли мёртвым.

Раз ночью шёл мимо церкви школьный учитель и попался навстречу двенадцати разбойникам.

– Знаешь ли ты, – спросили разбойники, – где лежит та богатая пани, что с неделю назад померла в вашем местечке?

– Знаю; её похоронили в церковном склепе.

Разбойники пригрозили ему острым ножом и принудили идти с собою; пришли к церковному склепу, выломали из окна железную

решётку и спустили туда на кушаках школьного учителя.

– Открой, – говорят ему, – гробницу, сними у пани семь золотых перстней с драгоценными камнями и подай сюда.

□Учитель открыл гробовую крышку и стал снимать с рук покойницы золотые перстни; шесть легко снял, а седьмого не может: пани сжала палец и не даёт кольца. Сказал он про то разбойникам; они кинули ему нож и приказывают:

– Отруби-ка ей палец!

Учитель поднял нож и как только отрубил палец – в ту ж минуту покойница словно от сна пробудилась, закричала громким голосом:

– Сестрицы и братцы! Вставайте на помощь скорей; не знала я покоя при жизни, не дают мне его и по смерти!

На её голос растворились гробницы, и начали выходить мертвецы.

□Разбойники услышали шум и разбежались в разные стороны, а учитель с испугу бросился из подвала на лестницу, вбежал в церковь, спрятался на хоры и дверь за собой запер. Мертвецы – за ним, увидали, куда он спрятался, и принялись таскать свои гроба и становить один на другой, чтобы по ним взобраться на хоры. Учитель тем временем нашёл длинный шест и давай гроба сваливать: в такой работе провозился он до полуночи; а как ударило двенадцать часов – мертвецы разобрали свои гроба и ушли в склеп. Учитель еле жив остался! На другое утро нашли его в церкви разбитого, больного; пришёл священник, исповедал и приобщил его, и вслед за тем учитель помер.

(Голосов: **1**. Рейтинг: **5,00** из 5)

Загрузка...